

Санкт-Петербургский государственный университет

Завершинская Полина Константиновна
Выпускная квалификационная работа

**СИМВОЛИЗАЦИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ» И «ЖЕРТВЫ» В
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ**

Основная образовательная программа высшего образования бакалавриата

«Культурология»

Направление 51.03.01 «Культурология»

(профиль: «Культура Германии»)

Научный руководитель
профессор, доктор философских наук
Марков Борис Васильевич

Рецензент
профессор, доктор философских наук
Голик Надежда Васильевна

Санкт-Петербург

2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ФИГУР НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ.....	9
1.1. Понятие культурной памяти и способы ее символической репрезентации	9
1.2. Место и роль символических фигур «жертвы», «преступника» и «героя» в культурной памяти национальных сообществ.....	17
ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА «ЗАМЕЩАЮЩЕГО НАСИЛИЯ» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ	26
2.1. Травматические события и эволюция представлений о «жертвах» и «преступников» в национальной памяти современной Германии	26
2.2. Социокультурная артикуляция феномена «замещающего насилия» в массмедиа современной Германии.....	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	54

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования символических фигур национальной памяти обусловлена тем, что в немецком обществе под влиянием динамики современных коммуникаций возрастает риск возникновения этнополитических противоречий и ксенофобии, прослеживается конфликт идентичностей и происходит трансформация смысла и содержания базовых событий национальной памяти. Культурная и политическая элита современной Германии, при активном участии СМИ, пытается переосмыслить, реконструировать символические «фигуры» травматических событий в становлении немецкой нации и стремятся продуцировать новые смыслы в практике социального конструирования образ «чужого», в частности, посредством процесса культурного позиционирования по отношению к новым мигрантам или политике России.

Динамика культурной памяти современной Германии свидетельствует об актуализации феномена, который Рене Жирар обозначил посредством метафоры «козла отпущения». Эта метафора отсылает к символическим практикам, связанным с процессом «заместительного жертвоприношения». Подобного рода символизация, как полагают представители культурной антропологии и социологии, призвана обеспечить социокультурный контроль за использованием насилия и принуждения, снизить социальную напряженность внутри общества и обрести более устойчивую национальную идентичность¹. Этот процесс неизбежно связан с двойственным по своим последствиям переосмыслением символических фигур «жертвы», «преступника» и «героя» в национальной памяти. Он может привести как к преодолению, обузданию конфликтности внутри общности, так и спровоцировать внешнюю агрессию по отношению к «иным» и «иному». От культурной направленности социального конструирования национальной идентичности Германии, являющейся одной из ключевых стран в процессе

¹ См. напр.: Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000; Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010.

европейской интеграции, в значительной степени зависят коммуникативные процессы на европейском континенте и мире. Это актуализирует социокультурные исследования исторической эволюции национальной идентичности современной Германии и специфики символических репрезентаций ее культурной памяти.

Степень теоретической разработанности и базовые источники исследования. У истоков социокультурного подхода к пониманию природы социальной и культурной памяти находятся идеи М.Хальбвакс¹, который рассматривал социальные рамки коллективной памяти как важнейшее основание социальной идентичности. Принципиальным для автора выпускной работы стали теоретические модели «культурной», «исторической», «социальной памяти» таких зарубежных исследователей как Я.Ассман, А.Ассман, П.Нора, Д.Олик, Д.Александр², из отечественных авторов И.М. Савельевой, А.В. Полетаева, Л.П.Репиной, А.Я.Флиера³.

Социально-философский и философско-антропологический анализ коммуникативных оснований культурной памяти представлен в работах М. Шелера, К.Ясперса, Х.Арендт, Ю.Хабермаса, Н.Лумана, Агамбена, Б.В.Маркова⁴. Специфика символизации культурной памяти, символических фигур социальной памяти и идентичности проанализированы в работах таких

¹ См. напр.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

² См. напр.: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004; Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. N.Y. 2006; Нора П. Проблематика мест памяти // Франция память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 1999; Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1; Александр Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013.

³ См. напр.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ. 2004; Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ. 2003; Флиер А.Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1.

⁴ См. напр.: Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. М.: Наука, 1999; Ясперс К. Вопрос о виновности. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999; Арндт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М.: Издательство «Европа», 2008; Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Пракси, 2007; Луман Н. Общество как социальная система. М.: Издательство «Логос», 2004; Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011; Марков Б.В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011.

представителей культурной антропологии и социологии как Р.Жиран, Б.Гизен, Д.Олик¹.

Особый интерес представляют исследования, связанные с интерпретацией эволюции динамики идейно-символического содержания политической идентичности современной Германии в работах таких авторов как Х Кенинг, Э. Нольте, Т.Адорно, Э. Траверсо².

Оригинальный анализ проблематики символических оснований культурной, национальной памяти современной Германии представлен в работах таких отечественных исследователей как Н.В.Голик, Р.В. Рулинского, К.А. Мешалкиной и др³.

Часть литературы публицистического плана, связанной с особенностями интерпретации процессов, происходящих в культурной памяти современной Германии, была наработана автором квалификационной работы во время двух-семестровой учебы в университете Гейдельберга в рамках программы академических обменов СПбГУ с этим университетом⁴.

Объект исследования – национальная память современной Германии.

Предмет исследования – специфика социокультурной динамики дискурса «замещающего насилия» и его символической репрезентации в

¹ См. напр.: Жиран Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000; Giesen В. Triumph and Trauma. London: Paradigm publishers, 2004; Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1.

² См. напр.: Кенинг Х. Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012; Нольте. Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001; Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 40-41(2-3); Траверсо Э. Об антикоммунизме. История XX века в интерпретации Нольте, Фюре и Куртуа // Red flora. 2015. URL: http://www.redflora.org/2015/04/blog-post_28.html (дата обращения: 25.02.2018).

³ См. напр.: См.: Голик Н.В. Философия культуры и толерантность: парадоксы истории // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1; Рулинский Р.Р. «Проблема вины» в трудах Карла Ясперса // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 3; Мешалкина К.А. Холокост и проблема массового сознания немцев в послевоенной Германии // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского ГУ. 2014. № 1.

⁴ См. напр.: Bolzen S. Deutsche misstrauen der EU beim Schutz der Außengrenzen // Welt online. 2017. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article171969532/Migration-Deutsche-misstrauen-der-EU-beim-Schutz-der-Aussengrenzen.html> (дата обращения 4.02.2018); Mehrheit der Deutschen gegen Einwanderung aus Nicht-EU-Ländern // Zeit online. 2015. URL: <http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2015-02/migration-eurobarometer-deutschland-ablehnung-nicht-eu-laender> (дата обращения 4.02.2018.); Bläser V. Zum Russlandbild in den deutschen Medien // Bundeszentrale für politische bildung. 2014. URL: <http://www.bpb.de/apuz/194826/zum-russlandbild-in-den-deutschen-medien?p=all> (дата обращения 10.02.2018); Was Deutsche über Russen und Russen über Deutsche denken // Russland Journal. 2015. URL: <https://www.russlandjournal.de/russland/was-deutsche-ueber-russen-und-russen-ueber-deutsche-denken/> (дата обращения 15.02.2018); Von Storch dementiert: Nicht auf Kinder, aber auf Frauen darf man schießen // Süddeutsche Zeitung. 2016. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/afd-von-storch-dementiert-nicht-auf-kinder-aber-auf-frauen-darf-man-schiessen-1.2843566> (дата обращения 26.02.2018).

представлениях о «преступлении» и «жертве» в национальной памяти современной Германии.

Цель работы – проанализировать роль феномена «заместительного жертвоприношения» и социокультурной специфики его символической репрезентации в социальном конструировании национальной памяти современной Германии.

Реализация поставленной цели обеспечивается посредством решения следующих взаимосвязанных задач:

- проанализировать теоретико-методологическую специфику способов описания феномена социальной и культурной памяти;
- проанализировать роль дискурса «замещающего насилия» и его базовых символических фигур для оформления социокультурной идентичности;
- вывить социокультурную специфику эволюции представлений о «преступлении» и «жертве» в национальной памяти современной Германии;
- проследить особенности артикуляции дискурса «замещающего насилия» в современных массмедиа Германии.

Гипотеза исследования основана на теоретической посылке, что социокультурная специфика национальной идентичности современной Германии связана с трансформацией дискурса «замещающего насилия», обусловленным сменой представлений о «преступлении» и «жертве», вызванных идеологическим позиционированием по отношению событиям Второй мировой войны, разделу и объединению Германии. Вызванный этим кризис идентичности, сопровождается попытками культурных и политических элит современной Германии обосновать необходимость новых символических конфигураций «замещающего насилия».

Научная новизна исследования. Исследованиям культурной памяти и многообразным ее проекциям посвящен целый ряд статей и монографий отечественных и зарубежных учёных. Однако теоретическая специфика данного исследования заключается в попытке анализа культурной памяти с

акцентом на понимание ее как комплекса таких базовых символических фигураций как «жертва» и «преступление» и на основе идеи «о замещающем жертвоприношении», представленной в исследованиях ученых, работающих в русле культурной антропологии и культур-социологии.

Теоретическая и практическая значимость данной работы проявляется в том, что она может содействовать развитию новых подходов к исследованию процесса становления национальной идентичности и институционализации эффективной политики памяти.

Апробация результатов исследования. Помимо результатов, представленных в выпускной квалификационной работе, они были опубликованы в сборнике материалов V Международной студенческой научно-практической конференции «Научные исследования и разработки студентов» в 2017 году в г. Чебоксары («Героические образы "Песни о Нибелунгах" в культурной памяти Германии»); Материалах XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ-2018» в МГУ («Национальная идентичность объединенной Германии перед вызовами "прошлого"»), а также представлены во время «очного» участия на студенческих научных конференциях «XV Международная научная конференция студентов и аспирантов "Спектр социального"» в РГГУ в 2016 («Россия и Германия: опыт преодоления культурной травмы»); «Всероссийская студенческая научно-практическая конференция "Наука молодых: вызовы и перспективы" в 2018 году в Новгородском филиале РАНХиГС («Управление памятью как ресурс культурной политики (на примере Германии)»).

Теоретико-методологические основы исследования. Автор использует междисциплинарный подход, представленный в исследованиях символического содержания культурной памяти в культурной антропологии, антропологически ориентированной истории и социологии. Структурно-функциональный анализ культурной памяти дополняется методологической установкой социального конструктивизма о многослойности видов знания,

представленных в социальной памяти и высокой степени ее автономии, активности в процессе оформления многообразных семантических компонентов групповой идентичности.

Структура данной работы сформирована исходя из цели и задач исследования. Работа состоит из введения, двух глав с четырьмя параграфами, заключения и списка использованной литературы. В первой главе «Теоретико-методологические основания исследования символических фигур национальной памяти» рассматриваются основные трактовки феномена культурной памяти и ее символических оснований. Раскрывается роль символических фигур «героя», «жертвы» и «преступника» в оформлении национальной идентичности. Во второй главе «Культурно-историческая специфика дискурса «замещающего насилия» в национальной памяти современной Германии» анализируются культурно-историческая специфика и способы символизации «замещающего насилия» в национальной памяти современной Германии», особенности интерпретации символических фигур «преступника» и «жертвы» и изменения в презентации дискурса «замещающего насилия» в современных немецких массмедиа. В заключении даны выводы по работе.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ФИГУР НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Для современной культурной памяти, как отмечалось выше, характерен повышенный интерес к реконструкции событий прошлого и их символических репрезентаций в настоящем, поскольку современная социокультурная динамика сопровождается постоянной трансформацией культурной памяти, приспособление ее для практик легитимации государства - замечает профессор Б. В. Марков¹. Это неизбежно порождает многообразие «политик памяти» и мнемонических способов преодоления травматического опыта прошлого и настоящего. Французский историк П. Нора назвал современную эпоху эпохой мета-ностальгии², порождающей многообразные практики символической репрезентации прошлого, служащие целям легитимации групповой солидарности в настоящем и описываемые словосочетаниями, включающими такие понятия как «память», «места памяти», «коллективная память», «социальная память», «культурная память», «историческая память».

1.1. Понятие культурной памяти и способы ее символической репрезентации

Понятие «коллективная память», «культурная память», «историческая память», «социальное конструирование памяти» используется во многих формах публичного дискурса. Это словосочетание присутствует в заголовках многообразной продукции современных СМИ, в выступлениях политиков и социальных технологов. Эти понятия стали ключевыми для многочисленных научных конференций, множества сборников и специализированных журналов, монографий. Термин «память» широко используется по

¹ См.: Марков Б.В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. С.501.

² См.: Нора П. Проблематика мест памяти // Франция память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.

отношению к самым разным аспектам социальных представлений о прошлом, настоящем и будущем.

Большинство исследователей исходят из посылки, обоснованной в свое время социологом Морисом Хальбваксом, которого считают «родоначальником» научного исследования коллективных форм социальной памяти, отмечавшего в своих работах, что нет памяти, которая не является социальной, и что не существует резких границ между собственными и чужими воспоминаниями, так как они возникают в процессе повседневной взаимности, и каждый человек несёт с собой и воспоминания других. Она формируется на протяжении достаточно длительного периода в определенной социальной группе¹. Социальная и культурная память – феномен не только нейронный и психический, как отмечает Я. Ассман и А. Ассман, но также и, прежде всего, социальный².

Отечественные исследователи начали использовать это понятие в 70-х гг. прошлого века, наряду с близкими по смыслу понятиями «коллективная память» и «историческая память». Во всех случаях подчеркивалось, что память «совокупного субъекта» обладает новыми качествами, несводимыми к простой сумме качеств, входящих в нее памяти индивидов. В культурологических исследованиях последних десятилетий тема памяти также стала одной из центральных при описании социокультурной динамики современного общества. Остановимся подробнее на трех основных трактовках смысла и содержания коллективной памяти как социальной памяти, исторической и культурной памяти.

О «социальной памяти» пишут, интерпретируя процессы консолидации групп, выступающих за легитимацию своей уникальной идентичности и при определении символических рамок этих групп. Под социальной памятью в социологических исследованиях часто понимают совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и

¹ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. С. 186-191.

² Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. N.Y. 2006. P.210-226.

преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению¹. Социальная память развивается в ходе коммуникации и деятельности СМИ, которые, воздействуя на память, обеспечивают ее узнаваемость и преемственность. При этом отмечается, что письменность и книгопечатание, а также институты интерпретации текстов свидетельствуют о постепенном расширении возможности коллективной или социальной памяти. Социальная память и ее символические репрезентации — это своего рода «горнило смысла», воплощенное в многообразных стилях, дискурсе искусства, популярной культуре и материальных артефактах².

Чаще всего социальная и культурная память описывается как историческая память. При этом, феномен исторической памяти интерпретируется современными исследователями весьма вариативно: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как изобретение новых традиций, основанных на старых, как сохранение прежних «мест памяти» и создание новых; как индивидуальная память о прошлом, как часть социального запаса знания, существующая ранее в традиционных обществах. По мнению отечественных историков И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, одной из главных причин появления термина «память» в приложении к истории стало повышенное внимание к воспоминаниям участников и жертв трагедий XX в. — революций и мировых войн, Холокоста, сталинских репрессий, этнических и политических геноцидов войны³.

Так известный исследователь исторической памяти Л.П.Репина замечает, что культурная память трактуется как «коллективная память» о прошлом, если речь идет о представлениях группы, и как «социальная

¹ См., напр.: Левада, Ю. А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000-2005. Москва: Издатель Карпов Е.В., 2011. С. 114-115.

² Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40 – 67.

³ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ. 2004. С.33-40.

память», когда речь идет об обществе или как об идеологизации истории, будучи тесно связанным с возникновением государств-наций, наконец, просто как синоним исторического сознания¹.

Хотя, как уже отмечалось, люди нередко считают память о своем прошлом естественным, социально-психологическим состоянием своего сознания, в реальности эти знания всегда запечатлены в текстах и других материальных носителях². Кроме того, для существования коллективной исторической памяти необходимо взаимодействие людей по поводу этих представлений. В самом общем виде «историческая память» в работах историков трактуется как совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе на массовом и индивидуальном уровне, включая их познавательный, образный и эмоциональный аспекты.

Наряду с социальной и исторической памятью выделяют также культурную память. В рамках эволюционной модели социального развития культура понимается как сложный механизм выживания, приспособление к изменившимся условиям окружающей среды, как хранилище поведенческих признаков индивида в виде генетической информации. Как полагает авторитетный исследователь культурной памяти Алейда Ассман, она выполняет две основные задачи³. Одна заключается в осуществлении коммуникации посредством создания одновременности. Она требует формирования символических знаковых систем, а также технического и понятийного «налаживания» совместного жизненного горизонта, в котором могут встретиться и понять друг друга участники культурного процесса. Другая задача культуры – осуществление постоянства. Она ведет из синхронного измерения в диахронное. Культура не исчерпывается в результате, согласно которому люди с помощью знаков могут до некоторой

¹ См, напр.: Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ. 2003. С. 3-14.

² См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М.: ГУ ВШЭ. 2004. С. 39-40.

³ Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. N.Y. 2006. P.210-226.

степени достоверно понимать друг друга, а также сосуществовать и совместно действовать в форме крупных объединений. Она готовит и условия для того, чтобы не каждому индивиду и не каждому поколению приходилось начинать снова и с самого начала. Вопрос о культурной памяти выводит нас из синхронного в диахронное измерение культуры. Если культура не защищена наследованием или не опирается на него, то на передний план выдвигается вопрос о формах передачи традиций и мерах по сохранению традиций. Традиция часто воспринимается как своего рода фонд или как культурная энергия. К традиции нередко обращались как к инстанции, нежели описывали ее в качестве комплексной структуры действий и институций¹.

С формированием электронных средств массовой информации внимание исследователей все больше смещается на изучение культуры как коммуникативного процесса. Культура понимается в этом смысле как исторически изменяемая связь коммуникации, памяти и средств массовой информации. Ей свойственны две взаимосвязанные функции – накопление и восстановление. Обе функции участвуют в восстановлении диахронии, т.е. растяжении во времени. Память как воспроизведение покоится на программировании, на генеративном принципе, который делает возможным придание постоянства культурным стереотипам. Накопление форм (на уровне глубинных структур) обеспечивает повторяемость (очевидных) действий и тем самым делает культуру поддающейся воспроизведению. Речь идёт не о последовательном приумножении, а о сплошном придании постоянства символическому миру чувств, способам действия и формированию обликов. Другая функция памяти, реконструкция, предполагает нарушение постоянства. В то время как в случае накопления глубинных структур достигается своего рода продолжительность, которая позволяет представить «сегодня» продлением дня вчерашнего, и которая

¹ Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. N.Y. 2006. P.210-226.

делает одно неотделимым от другого, реконструкция предполагает четкое разделение между «вчера» и «сегодня». Только в этом случае имеет место то отношение к прошлому, которому свойствен определяющий характер для нашего общепринятого понимания воспоминания. Программирования делают возможным воспроизведение как бессознательную непрерывность, реконструкция устанавливает непрерывность сознательную.

Таким образом, коллективно-значимое знание о прошлой социальной реальности в настоящем и есть содержание культурной памяти. Ее можно представить, как символическую репрезентацию описаний ключевых событий прошлого в настоящем в устной, визуальной или текстуальной форме. При этом она выступает в форме «известных» предположений о прошлом, для знания которых не требуется приложения специальных усилий¹.

При этом сторонники природы культурной памяти как исторической формы социальной отмечают, что в отличие от культурной собственно коммуникативная память относится к недавнему прошлому. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Типичный случай, как замечает Ян Ассман, — память поколения². Ее группа приобретает исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями. Это воспоминания, которые человек делит со своими современниками. Большею частью коммуникативная память пропадает тихо и незаметно. Переход из коммуникативной памяти в культурную обеспечивается средствами массовой информации. Средства массовой информации являются условием того, чтобы позднейшие поколения могли стать свидетелями давно уже прошедшего события, детали которого забыты. Они резко расширяют радиус принадлежности к числу современников. Благодаря материализации на

¹ Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. N.Y. 2006. P.210-226.

² Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 52.

носителях данных средства массовой информации обеспечивают живым воспоминаниям место в культурной памяти¹.

В отличие от коммуникативной, как уже было замечено, культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание. По мнению Я. Ассмана, миф является главной символической фигурой культурной памяти. Мифы суть фигуры воспоминания как и исторические нарративы².

Причастность к культурной памяти не является общераспространенной еще и потому, что в противоположность коммуникативной памяти культурная не распространяется сама собою, а нуждается для этого в специальной заботе и контроле. Тем самым возникает контроль над распространением знаний, который, с одной стороны, обязывает к участию, с другой стороны, отказывает в праве на участие. Культурная память всегда окружена более или менее строго охраняемыми границами. В то время как одни доказывают свою компетентность настоящими экзаменами как, например, в Китае классической эпохи, или должны продемонстрировать ее через владение соответствующими формами коммуникации языком как у эллинов³. Носителями культурной памяти являются уже не обязательно современники, а особые хранители и носители традиции. На культурную память воздействуют различные изменения, происходящие в обществе. Многообразные травматические события переформируют социокультурную среду культурной памяти, выступая конституирующим началом социальной эволюции любого общества⁴. Чтобы память могла реализовать содержащиеся в ней объединяющие и направляющие импульсы,

¹ См., напр.: Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin/N.Y.: Gmb&Co. KG. 2010. P. 109-118.

² Там же.

³ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 57.

⁴ Там же. С. 129.

должны осуществляться три функции: сохранение, востребование, сообщение.

Культурная память составляет семантическое ядро социальной памяти, имея не только символические проекции в прошлое (историческая память) из настоящего, но и в будущее. При этом преимущественной целью этих символических форм является обеспечение социальной идентичности и придание ей непрерывного характера¹. Исторической формой культурной памяти является национальная память, которая является наиболее долговременной формой социальной памяти, благодаря многообразию коммуникативных способов продуцирования и поддержания коллективно-значимых представлений о социальных событиях и их символических репрезентаций². При этом особое место занимают «символические фигуры» культурной памяти, исследования которых позволяют выявить качественные особенности символических структур той или иной национальной формы культурной памяти.

Таким образом, в рамках культурологического подхода к анализу феномена коллективной памяти и, соответственно, коллективной идентичности, можно проследить три основных подхода. Наиболее общий подход трактует коллективную память как совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению. Частным измерением подобного подхода является отождествление социальной и культурной памяти с исторической памятью как совокупностью представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе на массовом и индивидуальном уровне, включая их познавательный, образный и эмоциональный аспекты. Представляется, что в

¹ См.: Ассман Я. Ассман А. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная память // День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная память // Уроки истории XX век. 2012. URL: <http://urokiistorii.ru/article/51658> (дата обращения: 26.03.2018).

² Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. N.Y. 2006. P.210-226.

целях культурологического анализа более обоснованным следует считать подход, в рамках которого культурная память и ее символические фигуры (в своей основе мифические) составляют семантическое ядро социальной памяти, обеспечивая не только символические проекции в прошлое (историческая память) из настоящего, но и в будущее. При этом функция этих символических форм является обеспечение социальной идентичности и придание ей непрерывного характера.

1.2. Место и роль символических фигур «жертвы», «преступника» и «героя» в культурной памяти национальных сообществ

Культурная память национальных сообществ оформляется в процессе их исторической эволюции и символизации коллективно значимых событий, сыгравших ключевую роль в их становлении. Национальная идентичность, несмотря на фиксацию в социологии общих социально-политических параметров таких сообществ, всегда уникальна, поскольку неповторима историческая эволюция культурной памяти и способов ее символической репрезентации. Кроме того, социально-политические тексты в которых репрезентирует себя национальная идентичность никогда не сводятся к рациональным, верифицируемым утверждениям, а всегда апеллируют к чувствам народа, поэтому при их анализе важно учитывать своеобразие символического, ценностного, эмоционально-экспрессивного содержания политических коммуникаций¹.

Культурная память, как отмечалось является своего рода символическим плавильным котлом для оформления содержания многообразных социальных идентичностей, которые, замечает немецкий социолог Н. Луман, «не предназначены для повседневного употребления»². Для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она. Я.Ассман замечает, что

¹ См.: Марков Б.В. Политическая антропология. СПб.: Питер, 2017. С. 11.

² См.: Луман Н. Общество как социальная система. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 47.

противоположность между коммуникативной, кратковременной, фактической и культурной памятью можно представить как противоположность между повседневностью и праздником, памяти фактической и мифической¹. Коллективным идентичностям присуща торжественность, приподнятость над уровнем повседневности. Они как «больше натуральной величины», выходят за повседневный горизонт и являются предметом ритуальной, не-повседневной коммуникации². Эта ритуальность коммуникации уже сама по себе есть оформление культурной памяти. Она продолжается в оформлении воспоминания, которое откладывается в тексты, танцы, образы и обряды.

При этом для национальной памяти сохраняет значимость антропологическая посылка Я.Ассмана, что именно в мифе фактическая история преобразуется в обосновывающую историю, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения. Это не делает ее нереальной, напротив — только так она становится реальностью, нормативной и формирующей силой. При этом культурное воспоминание обретает сакральное измерение, а фигуры воспоминания - религиозный смысл. В этой церемониальной коммуникации культурная память инсценируется во всей своей коммуникативной многообразии - в ритуалах, танцах, стереотипах, одежде, украшениях, татуировках, формах символического представительства (памятники), культурных ландшафтах.

Оригинальную трактовку природы базовых символических фигур культурной памяти дает французский антрополог Р.Жирар, прибегая к метафоре «козла отпущения»³. «Козел отпущения» в терминологии Р. Жира интерпретируется как «жертва отпущения», «связанный с жертвоприношением», «основанный на жертвоприношении». За этим феноменами скрывается «двигатель всякой культурной интеграции,

¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 55.

² Там же. С. 59.

³ См. напр.: Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000; Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010.

основание всех ритуалов и всей религии...»¹. Выбор жертвы и символизация насилия по отношению к ней связано с попыткой достичь единства общности, устранить наличие различий. При этом символизация жертвенности есть одновременно процесс «культивирования» (символизации) насилия по отношению к жертве и одновременно ее сакрализация. «Козел отпущения» означает одновременно невинность жертвы и допустимость коллективного насилия по отношению к ней.

На основе анализа символических практик вытесняющего насилия Р.Жиран обращается к исследованию мифологии, чтобы показать культурную значимость этого феномена для оформления коллективной идентичности. История, по Р. Жирану, состоит из циклов агрессии, вины и искупления. Универсальным механизмом самозащиты общества от насилия является сосредоточение на избранной жертве. Жертвоприношение есть искупление в точном смысле этого слова: малое насилие над жертвой искупает большое насилие общества над самим собой. Вместо того, чтобы разрушать общество, насилию придают культурную форму, и оно превращается в предсказуемый ритуал. Так в Новое время, месть заменяется судом и монополией государства на легитимное насилие. При этом «козел отпущения» не должен быть одним из «нас», иначе это породит месть, но он не может быть и «чужим», иначе наш потенциал насилия не будет снижен. Жертва может выступать объектом нашей ненависти, но, в силу значимости роли, которую она играет, мы можем ее возвышать, обожествлять и делать священной.

Р.Жиран солидарен в своих идейных посылах с теми исследователями, которые полагают, что социальные институты и идентичности в той или иной степени возникают и на основе своего рода «культуры насилия» («ресентимента» как импульса мести, «суверенного насилия», «действия

¹ Жиран Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 368-370.

против воли»)¹. Так отечественный культуролог А.Я.Флиер определяет культуру «насилия» как «набор допустимых норм совершения насильственных действий в отношении человека или общества и культурных текстов, регулирующих эти действия, разрешающих или запрещающих какие-то формы, устанавливающих процедуру исполнения насилия и определяющих отношения между самими субъектами насилия, субъектами и объектами, субъектами и обществом, а так же семиотика форм, символизирующих насильственные действия или факт принадлежности человека к соответствующей группировке»². В исторической социальной практике человечества можно выделить и особый вид насилия, имеющий исключительно культурные причины, — это ритуальное жертвоприношение - насилие, совершаемое ради культурных целей, в социокультурных интересах общества. При этом не нужно отождествлять религиозное жертвоприношение с практикой принесения людей в жертву на основании установок разного рода социальной мифологии (или, во всяком случае, не официально господствующей религии)³.

Мифология, как семантическое ядро культурной памяти в любом обществе, выступает своего рода воспоминанием об актах насилия, символизация которого превращается в нечто созидательное или разрушительное, налагая запреты на использование насилия внутри той или иной общности или обосновывая их в отношении других. Следы интеллектуального влияния антропологической гипотезы Рене Жирара о культурном значении «замещающего насилия» выраженная в метафоре «козла отпущения» прослеживается в концепции культурной травмы и базовых символических фигураций культурной памяти.

Как замечает отечественный исследователь Д. Хлевнюк, концепции коллективной памяти и ее символических фигур позволили говорить о

¹ См. напр.: Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. М.: Наука, 1999; Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011.

² См. напр.: Флиер А.Я. Некультурные формы культуры. М.: МГУКИ, 2008. С. 50-51; Флиер А.Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1. С. 19

³ Флиер А.Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1. С. 19–25.

различии нарративов о прошлом в разных сообществах и на разных этапах истории, т. е. о том, «о чем говорить не принято, а о чем принято» «неизбежно» и оправданно» отсылая к таким распространенным сегодня метафорам и понятиям как «травма» и «вина»¹.

Так, на вопрос о том, что является основанием культуры один из ведущих немецких исследователей социальной идентичности Бернхард Гизен замечает, что это – миф и его символические фигуры так или иначе, связанные с практиками замещающего насилия. В работе Б. Гизена «Триумф и травма» предлагается модель культурологического подхода к изучению символических фигур культурной памяти. Б.Гизен пишет о том, что национальная идентичность формируется под влиянием не только современного для индивида сообщества, но и под влиянием предшествующих поколений, запечатленных в базовых символических фигурах². При этом событиям насилия придается культурная значимость и они выступают способом вытеснения насилия не столько через возложение ответственности на «кого-то» или «мести палачам», а посредством обожествления жертвы и придания статуса героического представителя общности, превращения его в источник идентичности.

Центральной фигурой мифа о происхождении обычно является герой-триумфат (triumphant hero). Герой находится на пороге двух миров: он стоит выше правил, бросает вызов расхожему мнению и риску смерти и сокрушает существующий порядок. Герой-триумфат представляет автономию, уникальность и суверенную субъективность. Триумфальные мифы об основании часто описывают историю иммиграции или завоевание новой земли, а люди, жившие на этой земле, рассматриваются как нецивилизованные, дикие и грубые, их сопротивление - неблагоприятное. Завоевание населения или даже его истребление является допустимым. Другие мифы трактуют героя-триумфата совершенно под другим углом

¹ Хлевнюк Д.О. Бернхард Гизен. Триумф и травма // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 112.

² Giesen B. Triumph and Trauma. London: Paradigm publishers, 2004. P. 77.

зрения, как человека, выступающего против притеснений и убийств завоеванного населения. Современная демократия преобразила главную задачу героя-триумфата, отныне он выступает за защиту демоса и демократического порядка в государстве¹.

Кроме героя-триумфата, символическими фигурами по Б.Гизену выступают жертвы (victim) и преступники (perpetrator). Жертвы – «испытываемые люди», которые рассматриваются как объекты, категории без имени, лица и положения в сообществе. Преступники пытались уничтожить и запятнать их следы в человеческом обществе. Ничто не должно напоминать об их существовании. Как герои они также являются частью общественного строя, но, в отличие от героев, они выдвинуты на периферию социума, они живут в исключительных местах - в лагерях. Герои несравнимы; жертвы посчитаны их числами. До завоевания и превращения данных людей в жертвы, они рассматривались как обычные члены общества, но преступники превратили их в объекты, которых можно убить, которыми можно торговать и относиться как к скоту².

Как замечает отечественный исследователь Л. Коротецкая, в существующих теоретических конструктах культурной травмы можно выделить два вида жертв. В первую очередь «можно говорить о непосредственных жертвах в конкретном понимании этого слова, которые были вовлечены в страшное событие и пострадали, и некоторые из которых свидетельствует о пережитом. Второй, гораздо более широкий круг жертв – это общественность, не участвовавшая непосредственно в травматическом событии, но также переживающая травму. Под общественностью понимается та самая аудитория, которая в ходе репрезентативного процесса обнаруживает, что была травмирована определенным опытом или событием. Она тоже имеет право называться жертвой, её позиция по отношению к

¹ Giesen B. Cultural trauma and religious identity // Oxford handbooks online. 2014. URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-001?result=36&rskey=n2mGWC> (дата обращения 01.04.2018).

² Там же.

переживанию травмы является как пассивной, так и страдательной. В случае с проработкой памяти о Холокосте в Германии послевоенные поколения немцев также стали жертвами преступлений своих отцов»¹. По мнению этого автора, следует выделить и понятие «жертва-очевидец». Как описывает Любовь Коротецкая - «фигура свидетеля-жертвы является центральной фигурой в нарративе Холокоста. В общей теоретической модели повествования о прошлом свидетель – это то самое третье лицо, которое ведет повествование о насильственных действиях “со стороны”, помогает внешней оценке и не относится ни к одной, ни к другой стороне в дихотомии «преступник–жертва»². Холокост ввел в оборот концепт «морального свидетеля»³ – свидетеля, который одновременно и очевидец, и жертва. В отличие от мученика такой свидетель не погибает, а выживает, и ведет рассказ не только от своего лица, но и от имени убитых жертв.

Преступники – категория, находящаяся в связи с категорией героя и жертвы. Они являются нарушителями основных норм общества. Без разрешения, они отнимают жизнь других людей, презирая право на жизнь. Герой требует постоянное признание и уважение со стороны социального сообщества. Это – восхищение им общества, без этой поддержки герои превращаются в злодеев, демонов, преступников. Иногда это изменение подкреплено историческим событием – поражение или изменение политического строя. Гитлер, Сталин и Саддам Хусейн рассматриваются как преступники после изменения политического строя, тогда как раньше общество считало их героями⁴. Авторы большинства книг занимаются, по мнению Гизена, изучением коллективной травмы жертв, но имеет смысл

¹ Коротецкая Л.В. Холокост как социальная и культурная конструкции памяти: фактор травмы и позиция жертвы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 107-117.

² Там же.

³ Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin/N.Y.: Gmb&Co. KG. 2010. P. 109-118.

⁴ Giesen B. Cultural trauma and religious identity // Oxford handbooks online. 2014. URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-001?result=36&rskey=n2mGWC> (дата обращения 01.04.2018).

говорить не только о коллективной травме жертв, но и о коллективной травме противоположной стороны — преступников (perpetrators)¹.

Так, например, под определением «жертва» в современном немецком обществе понимаются люди, подвергшиеся во время нацизма дискриминации, преследованиям, арестам и объявленные нацистами - врагами рейха: участники Сопротивления (от коммунистов до военных, не разделявших нацистской идеологии), евреи, служители церкви, критически настроенные интеллигенты. Основная модель речевого поведения в субдискурсе жертв – «повествование» (Berichten), так как жертвы являются свидетелями преступлений гитлеровского рейха. «Преступники» же в данном контексте - функционеры НСДАП и реальные исполнители акций по установлению и поддержанию диктатуры национал-социализма. Типичные для них модели речевого поведения – аргументативные модели «оправдание» (Rechtfertigen) и «обоснование» (Begründen)².

Символизация жертвоприношения как комплекса «учреждающих событий» может вытеснить практики отмщения, культивировать «чувство вины» и привести к национальной консолидации, не стимулирующей отмщение. Вместе с тем не всякая символизация и сакрализация может привести к устойчивым культурным коммуникациям. Примером могут служить процессы, происходящие в культурном пространстве современной Европы и, в частности, в рамках немецкого общества. Это проявляется в стремление преодолеть кризис идентичности и сохранить политическое и экономическое доминирование за счет поиска новых объектов замещающего насилия и оправдания насилия посредством трансформации смысла и содержания символических фигур, когда жертвы интерпретируются как палачи, а преступники как герои.

Таким образом, в на основе антропологической посылке Рене Жирара о роли символических практик «заместительного жертвоприношения»

¹ Giesen B. Triumph and Trauma. London: Paradigm publishers, 2004. P. 79.

² Kämper H. Opfer – Täter – Nichttäter: Ein Wörterbuch zum Schulddiskurs, 1945–1955. N.Y.: de Gruyter, 2007. S. 198-224.

(«замещающего насилия»), призванных обеспечить социокультурный контроль за использованием насилия и принуждения при оформлении социокультурных общностей, процесс социального конструирования национальной идентичности можно описать как социокультурную динамику символических фигур «жертвы», «преступника» и «героя», составляющих важную компоненту мифического ядра культурной памяти. Социокультурная динамика подобных символических фигур и практик их символической репрезентации может привести как к преодолению, обузданию конфликтности внутри общности и позитивную идентичность, так и спровоцировать возникновение «негативной идентичности», внешнюю агрессию по отношению к «иным» и «иному».

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА «ЗАМЕЩАЮЩЕГО НАСИЛИЯ» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Оформление специфики национальной идентичности современной немецкой нации связано с значимыми представлениями о двух коллективно-значимых событиях. Вторая мировая война в их ряду играет определяющую роль, поскольку преодоление «комплекс вины», связанного с преступлениями нацистского режима и его жертвами, так или иначе влияет и по сей день на выбор путей социокультурно эволюции общества и политику памяти в современной Германии. Вместе с тем, второе по значимости событие культурной памяти современной Германии, связанное с процессом интеграции пространств Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии после распада Советского Союза и социалистического блока, ведет к существенным изменениям в национальной идентичности и способах восприятия, символической репрезентации прошлого, настоящего и будущего. Оно сопровождается попытками преодоления, вытеснения влияния «теней национал-социалистического» и «социалистического прошлого», переформатированием представлений о «жертвах» и «преступниках» в национальной памяти современной Германии.

2.1. Травматические события и эволюция представлений о «жертвах» и «преступников» в национальной памяти современной Германии

После поражения нацистской Германии во Второй мировой войне в трансформации культурной памяти Германии можно проследить четыре основных фазы, связанные с процессом осмысления отношения ко Второй мировой войне как травматического события в жизни немецкого общества и, прежде всего, событиям преодоления национал-социалистического

прошлого. Однако, несмотря на то, что центрирующим для национальной памяти событием является Вторая мировая война, можно проследить смену способов восприятия «преступления» и «жертвы». Эволюция дискурса замещающего насилия будет рассматриваться на примере эволюции культурной памяти в культурном пространстве Федеративной Республике Германии, поскольку на данный момент он доминирует в культурной памяти объединенной Германии.

При этом следует пояснить, что автор работы, следуя заявленным методологическим приоритетам и предмета исследования под событием культурной памяти будет понимать «смысловой комплекс», соотносительно акту наблюдения из настоящего для «сообщества наблюдателей», то есть воспринимаемый группой людей как «одно и то же»¹. В этом смысле событие Второй мировой войны и его символические репрезентации трансформировалось в обобщенный символ человеческого страдания и морального зла². Травмирующее для конкретной группы лиц событие было переопределено как травмирующее событие для всего человечества и формы культурного мифа со специфическими символическими фигурами «преступления» и «жертвы».

Авторитетный немецкий исследователь специфики политической культуры послевоенной Германии в обстоятельной монографии «Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ» в качестве общего методологического ориентира выделяет *четыре основные фазы «преодоления» прошлого в ФРГ*: послевоенное время с «дебатами о вине», 1950-е годы «двойственной стратегии», период «длинной волны» с 1960 по 1990 годы, новой федеративной республики³. Можно согласиться с этой периодизацией и взять ее за основу при анализе эволюции дискурса

¹ См.: Филиппов А.Ф. Триггеры абсолютных событий // ЛОГОС. 2006. №5 (56). С.104-117.

² Александер Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. С.347.

³ Кёниг Х. Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОСПЭН, 2012. С.13.

«замещающего насилия», тесно связанного с социальным конструированием представлений о Второй мировой войне.

На первом этапе формирования представлений о «преступлении» и «жертве» обсуждение этой темы наиболее очевидно проявляется в контексте «проблема вины», что связано с социокультурными особенностями процесса «денацификации». Задача перевоспитания и наказания активных сторонников нацизма первоначально встретила серьезное противодействие. Ведь только официальных членов НСДАП в Германии насчитывалось около 8 млн. (еще 4 млн. составляли члены нижестоящих организаций)¹. В соответствии с планом денацификации были распущены все организации НСДАП, ее членам и функционерам запрещалось занимать государственные посты. В 1945 г. в четырех зонах оккупации было арестовано 270 тыс. лиц с нацистским прошлым. Для населения, утверждавшего, что оно ничего не знало о преступлениях гитлеровского режима, проводились принудительные экскурсии в концлагеря. Показательный характер имел и Нюрнбергский процесс, завершившийся казнью главных обвиняемых.

По мнению Х. Кёнига в первое десятилетие существования Федеративной Республики «для нее была характерна перспектива, которая позволяла бывшим фольксгеноссен рассматривать самих себя в роли жертв»². Политическое сознание молодой Федеративной Республики формировалось не благодаря признанию преступных деяний в процессах политической чистки и судебного преследования, а, наоборот, в ходе защиты и отказа от них.³ Как пишет Р. В. М. Кемпнер, «молодую Федеративную Республику охватила «лихорадка пощады», которой заболели все политически и общественно значимые силы, образовавшие своего рода большую коалицию. Они делали все для того, чтобы осужденные и находящиеся в заключении преступники постепенно освобождались, и блокировали новые попытки

¹ Рулинский Р.Р. «Проблема вины» в трудах Карла Ясперса // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 3. С. 273.

² Кёниг Х. «Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ» // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3. С. 40-41.

³ Там же.

судебного преследования»¹. В первые годы существования ФРГ представляла собой «не сообщество памяти, а сообщество забвения»². Данная политика была широко поддержана законодательными акциями, в том числе и амнистиями, которые объявили сразу же после основания ФРГ(1949) и затем повторно в 1954 году³.

Одобрение практик забвения и безнаказанности сплотило в единый массив граждан Федеративной Республики - как стоявших в стороне от национал-социалистического режима и занявших теперь место у политического руля, так и бывших фольксгеноссен - преступников, сообщников, зрителей, а также возвращающихся из плена и изгнанных. Характерной чертой эпохи немецкой послевоенной истории является не исключение национал-социалистического режима из современного индивидуального сознания, а исключение индивидуального и коллективного прошлого из общественной коммуникации⁴. В тоже время этот период был не только процессом забвения, поскольку, по мнению Эдгара Вольфрума, описание этого процесса только исключительно как процесса забвения было бы неполным и неточным⁵. Его стержнем являлось не забвение, а согласно определению Херманна Люббе - «коммуникативное умалчивание»⁶.

Ключевую роль в публичной артикуляции проблемы насилия и ответственности в послевоенной Германии сыграл философ Карл Ясперс. Именно он стал во главе общественно-политической дискуссии, нацеленной на выработку единого подхода к тоталитарному прошлому и способов его преодоления.

¹ Kempner R. M. W. Ankläger einer Epoche. Lebenserinnerungen. In Zusammenarbeit mit Jörg Friedrich. Frankfurt am Main: Ullstein, 1986. S. 344-345

² Кёниг Х. «Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 40-41.

³ Frei N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München: Verlag C. H. Beck, 1996. S. 235-252

⁴ Кёниг Х. «Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 40-41.

⁵ Wolfrum E. Die Anfänge der Bundesrepublik, die Aufarbeitung der NS-Vergangenheit und die Fernwirkungen für heute. Bonn: Dietz-Verlag, 2009. S. 371

⁶ Lübbe H. Der Nationalsozialismus im deutschen Nachkriegsbewusstsein // Historische Zeitschrift. 1983. № 236. S. 582-598

Как уже отмечалось в послевоенной Германии почти никто не решался открыто выступить с политическими заявлениями. Тактика замалчивания («Verschweigerung») стала повсеместной. Именно поэтому К. Ясперс выступал против упрощенной трактовки тезиса о «коллективной вине» немецкого народа и для обоснования своей позиции анализировал сущность и типы вины. К. Ясперс отмечал, что существуют разные понятия виновности. Он выделил следующие типы: уголовная виновность; политическая виновность; моральная виновность; метафизическая виновность.

К. Ясперс акцентировал внимание на том, что преступление совершает каждый человек самостоятельно независимо от того, совершено ли преступление какой-то организацией. В данном случае не может быть коллективной виновности народа или группы. Политическая виновность «... состоит в действиях государственных деятелей и в принадлежности к гражданам определенного государства, в силу чего я должен расплачиваться за последствия действия этого государства, под властью которого нахожусь и благодаря укладу которого существую»¹. В случае политической виновности можно говорить о коллективной ответственности граждан государства, так как они позволили режиму существовать, участвовали в осуществлении этой власти и получали выгоды от этого режима. Немецкий народ не виноват в преступлениях вождей, но «...народ отвечает за свою государственность»². Поэтому народ Германии должен терпеть те решения, которые приняли страны-победители. Немецкий народ должен согласиться с теми повинностями, которые навязывают ему победители. «Кто внутренне задет виной, к которой он причастен, тот хочет помочь каждому, кто пострадал от произвола незаконного режима»³.

Моральная же вина не может быть навязана «извне», чувство этой вины может исходить только «изнутри». Поэтому не может быть

¹ Ясперс К. Вопрос о виновности. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. С. 18.

² Там же. С. 49.

³ Там же.

коллективной моральной вины. Последний вид виновности - основан на осознании солидарности всех людей. Каждый ответственен за зло, совершенное в мире, особенно за те преступления, которые были содеяны в присутствии человека, но которые не были им остановлены.

Для автора наибольшее значение имели два последних типа вины. С одной стороны, на морально-нравственном и, прежде всего, на метафизическом уровне произошло зарождение духовного кризиса немецкого народа. К. Ясперс утверждал, что именно духовные проблемы породили необратимые процессы в развитии целой нации. Но именно эти две сферы (морально-нравственная и метафизическая) открывают возможность для подлинного возрождения страны.

Морально виновны те, кто знал, но все-таки закрывал глаза на действия нацистов. Закрывал глаза по разным причинам: страх (жизнь в маске), личная выгода (роль попутчика), пропаганда (лживая совесть), примирение и т.д. Пассивная вина, вина за свою бездеятельность остается моральной виной каждого.

Народ, проигравший войну, способен сохранить чувство собственного достоинства лишь признав свои ошибки. Чувство вины способно объединить народ, облегчить душу народа. Это общее чувство вины способно создать единую нацию, общая задача которой - не быть теми немцами, которые совершили эти преступления. «Чувствуя свою коллективную виновность, мы чувствуем во всей ее полноте задачу возрождения изначальной принадлежности к роду человеческому — задачу, которая стоит перед всеми людьми на земле, но насущнее, осязаемее, определяя, как бы, все бытие, встает там, где какой-то народ по его собственной вине ждет полное разорение»¹.

Рассматривая культуру памяти в Федеративной Республике 1950-х годов, следует заметить, что «представление о жертвенной вине» и «жертвенности» стало постепенно приобретать новый специфический смысл.

¹ Ясперс К. Вопрос о виновности. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. С. 49.

Акцент был смещен на пассивность жертвы, которой становятся поневоле. Республике состояла в том, что она не служила для подготовки возмездия, а определялась позицией пассивной жертвы, цель которой заключалась только в спасении от упреков и обвинений¹. Национал-социалистическая жертвенность подразумевали самопожертвование, в то время как в Федеративной Республике претензия части граждан на роль жертвы стала служить для самозащиты и самосохранения. Пассивная жертвенность и апатия сопряженная с культивированием чувства вины в значительной степени помешали попыткам ревитализации этнонационалистической культурной памяти в Федеративной Республике².

На втором этапе оформления представления о «преступлении» и «жертве» связана с началом тематизацией проблемы Холокоста. Проблему Холокоста на первом этапе оформления новой национальной идентичности, несмотря на все доказательства ее существования, обходили стороной, предпочитали не замечать вплоть до образования ФРГ в мае 1949 г. Лишь в 1950-е гг. постепенно в фокусе внимания немцев оказывается тематика Холокоста. Это становится определяющим звеном в эволюции национальной идентичности. Эволюция немецкого общественного сознания и коллективной памяти о Холокосте прошла сложный путь от нежелания помнить о позорном прошлом и замалчивания этой проблемы и до современного этапа признания ответственности за возникновение нацизма и его преступления.

Акцент на преодоление антисемитизма и память о массовом истреблении евреев первоначально выпадает из фокуса общественных представлений периода политического режима К. Аденауэра, когда общественное сознание немцев характеризуется значительными расхождениями индивидуальных форм сознания и официальной подачей особенностей политической культуры Германии в СМИ. Официально антисемитские взгляды в ФРГ объявлялись вне закона, но в приватной жизни

¹ Koselleck R. Die Diskontinuität der Erinnerung // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1999. S. 220-222

² Wolfrum E. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999. S. 371

они имели место. Антисемитизм и проблема массового истребления еврейского населения находились в латентном состоянии: был распространен среди широких слоев населения, но в нем не разрешалось признаваться публично. Иными словами, существовали «ножницы» между официальной антисемитской политикой государства и антисемитскими настроениями населения. В общественной жизни евреям, оставшимся проживать в ФРГ, приходилось сталкиваться с презрением и оскорблениями. Эта политика «коммуникативного замалчивания» была выгодна правящей верхушке, так как среди высших должностных лиц Германии находились бывшие члены СС, работники концлагерей, которым было совершенно не нужно обострять ситуацию в стране и поднимать проблему Холокоста. Однако плоды этой двойственной стратегии можно наблюдать на третьем этапе формирования коллективной памяти немцев касательно еврейского вопроса, для которого характерен всплеск антисемитизма по всей ФРГ. Событием, вызвавшим поворот в национальной идентичности ФРГ, стало осквернение синагоги в Кельне, а также памятника жертвам нацистского режима. 24 декабря 1959 г. на стенах синагоги появилась надпись: «Немцы говорят: долой евреев!» В дальнейшем последовало появление целой серии антисемитских надписей в конце 1959 – начале 1960 г. До конца января 1960 г. в ФРГ было зарегистрировано 470 антисемитских инцидентов¹.

Третий этап эволюции культурной памяти послевоенной Германии связан с резкой артикуляцией темы Холокоста. Именно после Франкфуртского процесса (1965) слово «Освенцим» стало нарицательным и превратилось в синоним преступности нацистского режима. Показательным для Германии стал процесс в Израиле над Адольфом Эйхманом, чиновником Третьего рейха, руководившим работой по «окончательному решению еврейского вопроса». Суд приговорил его к смертной казни за его прямую причастность к уничтожению еврейского народа. На суде присутствовала

¹ Мешалкина К.А. Холокост и проблема массового сознания немцев в послевоенной Германии // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2014. № 1. С. 41.

Ханна Арендт, которая после этого процесса написала книгу «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме»¹. Главный пафос книги Х. Арендт в том, что она призывает человека не безоговорочно подчиняться толпе, а следить за тем, чтобы человек осознавал свои действия в личной и частной жизни, осознавая, как личность, к чему приводят его поступки. Ведь Эйхман заявил на суде, что он просто «выполнял свой долг, повинаясь приказам и закону». Огромное влияние на национальную память жителей ФРГ оказала трансляция по телевизионной программе «ARD» в январе 1979 г. американского художественного сериала «Холокост», посвященного трагедии «окончательного решения еврейского вопроса» в Европе. Сериал посмотрело более 20 миллионов зрителей, он стимулировал крупные научные исследования по проблематике Холокоста. После выхода сериала в Западном Берлине был создан Центр по изучению антисемитизма. В том же 1979 году германский бундестаг после долгих дебатов и обсуждений принял закон о полной отмене срока давности для судебных преследований за убийство. В связи с этим именно в конце 1970-х гг. проблема Холокоста приобрела свою нынешнюю значимость и звучание.

Появилось отдельное направление исследований событий Холокоста - Holocaust studies, в рамках которого особую ценность представляют культур-социологические исследования, авторы выстраивают новые объяснительные схемы, позволяющие детально разбирать коллективную память о феномене Холокоста и политику памяти в послевоенной Германии. К началу 1980-х гг. в исторической науке и публичном дискурсе Федеративной Республики Германии сложилось определенное согласие касательного того, что преступления нацизма (в том числе и массовое уничтожение евреев) были обусловлены преступной сущностью самого режима.

Вместе с тем именно в рамках этого периода, когда артикулируется тема Холокоста, прослеживаются отчетливые попытки ревизии политики преодоления прошлого и «комплекса вины» репрезентированным в

¹ См.: Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М.: Издательство «Европа», 2008.

социально-философском дискурсе К. Ясперса. Летом 1986 г. в Германии разгорелся так называемый «спор историков» (Historikerstreit). В нём участвовали две группы: во главе одной из них стоял профессор Свободного университета Западного Берлина Эрнст Нольте; интеллектуальным лидером другой группы мыслителей был философ, один из теоретиков Франкфуртской школы Юрген Хабермас.

Немецкие историки Эрнст Нольте и Андреас Хильгрубер считали недопустимым дальнейшее унижение национального величия и призывали не акцентировать внимание на ошибках прошлого. Другие, условно объединённые вокруг фигуры Юргена Хабермаса, напротив, полагали необходимым правдиво рассказывать обо всех преступлениях предшествующих поколений, видя в выявлении этих преступлений залог для утверждения нормального будущего страны¹.

Трудно переоценить значение этой дискуссии для всей Западной, а затем и единой Германии. В рамках спора «речь шла о политическом будущем ФРГ, о её внутреннем состоянии и внешнеполитических ориентирах», — пишет профессор Марбургского университета, один из ведущих исследователей «спора историков» Р. Кюнль². Это был «спор о значении национал-социалистического прошлого для настоящего федеративной республики», как коротко обозначил суть вопроса профессор Йорн Рюзен³. Как подчеркивает Хельмут Кениг в своей монографии «Будущее прошлого»: «Бурная полемика о преимуществах и опасностях постоянной памяти о национал-социализме и, прежде всего, о Холокосте оказалась исключительно полезна тем, кто видел в этой памяти главный элемент политической культуры ФРГ»⁴. Ключевой проблемой спора стало отношение к нацистскому прошлому, попытка переинтерпретировать

¹ Рулинский В. В. "Спор историков" в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских культур, 2013. С. 46-55.

² Kühnl R. Verhangenheit, die nicht vergeht. Die historiker debate Dokumentation, Darstellung und Kritik. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1987. S. 270.

³ См.: Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2005. С. 38–63.

⁴ Кениг Х. Будущее прошлого. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. С. 30.

преставления о «преступлении» и «жертвах». По сути была предпринята попытка переоформить дискурс «замещающего насилия» и обозначить проекцию на поиск «внешних преступников».

Дискуссию вызвала статья историка Эрнста Нольте, опубликованная в ведущем немецком консервативном еженедельнике *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (FAZ). Статья называлась «Прошлое, которое не хочет проходить». Спустя 40 лет после войны Э. Нольте заявил, что «расовый геноцид» в нацистских концлагерях был «защитной реакцией» по отношению к «классовому геноциду» и сталинскому в ГУЛАГе. Немцы боялись большевизма, поэтому что ГУЛАГ, по мнению Э. Нольте, возник раньше и послужил своего рода прообразом для нацистских концлагерей. Немцам якобы не оставалось ничего другого, кроме как стать нацистами¹.

В этом смысле Э.Нольте лишает вопрос о «немецкой вине», того смысла, который легитимировал К. Ясперс, обозначив значимость для новой национальной идентичности Германии чувства моральной и политической ответственности за преступления в качестве культурного основания достойного места внутри международного сообщества².

Позиция Юргена Хабермаса и его сторонников заключалась в обратном. Они выступили преемниками идей К. Ясперса, Т. Адорно, Х. Арндт о необходимости трезвого осмысления и преодоления нацистского прошлого. Следуя посылке, обозначенной в свое время Т.Адорно, что пока не устранены культурные предпосылки национал-социализма, следует опасаться его возвращения³. На выступление Нольте Юрген Хабермас серией публикаций в либеральной газете *Ди Цайт* (*Die Zeit*). Нольте и Хабермас были в центре спора, но в него постепенно втянулся весь обществоведческий корпус. Во время «спора историков» Хабермас описал тезис Нольте как «способ избавиться от убытков», способ, позволивший Нольте замести все

¹ Нольте. Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 300-353.

² Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999. С. 15-106.

³ См. напр.: Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3; Хабермас Ю. Политические работы. М.: Пракси, 2005.

немецкие и европейские корни нацизма и приписать преступления нацистов большевизму¹.

Точку зрения этих мыслителей, отражавшей характер представлений, уже оформившихся в национальной памяти Германии, можно представить следующими тезисами. Во-первых, преступления нацизма были беспрецедентны, а значит, они требуют к себе особого отношения; во-вторых, винить в преступлениях нацизма нужно не только правящие круги или лично Гитлера, ответственность за нацизм лежит на каждом человеке, так или иначе участвовавшем в его преступлениях, а коллективная ответственность лежит на всех потомках живших в то время людей; в-третьих, поражение Германии во Второй мировой войне стало освобождением страны и Европы, только благодаря которому возможно политическое и национальное будущее Германии.

Историк Энцо Траверсо замечает, что для Нольте «европейская гражданская война» началась в 1917 году, вместе с Октябрьской революцией, после которой двумя годами позже появляется Коминтерн, «партия мировой войны». Аушвиц(Освенцим) Нольте объясняется ГУЛАГом - «логическим и фактическим прецедентом» нацистских преступлений². Ответ, по мнению Нольте, содержится в травме, вызванной в Германии Октябрьской революцией. Большевизм как первый пример воплощенного на практике тоталитарного режима, начиная с начала российской гражданской войны, политики террора и «классового уничтожения», повлиял на немецкое воображение одновременно и как «чудовище» (Schreckbild) и как «образец» (Vorbild). Иначе говоря, нацистский антисемитизм - лишь «особая разновидность антибольшевизма», а геноцид евреев - не что иное, как «перевернутый образ другого уничтожения большевиками, уничтожение мирового класса». Интерпретация «европейской войны» Нольте, по мнению Э. Траверсо, переносит Германию целиком на сторону жертв, включая сам

¹ См.: Хабермас Ю. Политические работы. М.: Пракси, 2005. С. 216.

² Траверсо Э. Об антикоммунизме. История XX века в интерпретации Нольте, Фюре и Куртуа // Red flora. 2015. URL: http://www.redflora.org/2015/04/blog-post_28.html (дата обращения: 25.02.2018).

нацистский режим, которому сначала грозило большевистское восстание, руководимое из Москвы, а потом война на уничтожение, которую проводил СССР и союзники. Преследователь обернулся жертвой¹. Однако, вопреки надеждам консервативных историков, дискуссия 1986–1987 гг. привела к оформлению широкого слоя ученых, объединившихся на общей основе познания и популяризации исторической правды о преступной политике Третьего рейха.

С 1990-х гг. начинается *четвертый этап* в динамическом процессе развития национальной памяти в Германии. В 1990 г. с политической карты Европы исчезает Германская Демократическая Республика, в связи с чем актуализируется вопрос об отношении к историческому прошлому Восточной Германии. Падение Берлинской стены (1989) и конец ГДР привело к тому, что «жертвы сталинизма добиваются своего права на признание и включение в коллективную память Федеративной Республики. С этого же момента память о войне возвращается в общественное сознание Федеративной Республики.»²

В этой ситуации вновь пробудился интерес к военно-политической проблематике нацистской эпохи, преступлениям вермахта, а не только подразделений СС. В 1990-х гг. развернулись дебаты о сооружении мемориала Холокоста в Берлине. Известный политический деятель ФРГ Вольфганг Тирзе, очень обеспокоенный ростом антисемитских взглядов, утверждает, что этот мемориал необходимо установить, так как работа памяти поможет предотвратить опасность роста ненависти к иностранцам, антисемитизм и расизм в демократическом обществе³.

К настоящему времени в Германии, как и в других странах, изданы многочисленные серьёзные работы по истории концентрационных лагерей, которые дают возможность воссоздать многомерную картину их создания,

¹ Траверсо Э. Об антикоммунизме. История XX века в интерпретации Нольте, Фюре и Куртуа // Red flora. 2015. URL: http://www.redflora.org/2015/04/blog-post_28.html (дата обращения: 25.02.2018).

² Там же.

³ Там же.

функционирования и разрушения. К ним относятся, например, обобщающие исследования системы КЦ К. Дробиша и Г. Виланда, В. Виппермана. Много работ написано и по отдельным крупным и малым лагерям: Нойенгамме, Дахау, Бухенвальде и другим¹. Заметным в работах стало стремление исследовать влияние существования концлагерей на представления о Второй мировой войне жителей близлежащих городов. Исследуя эти связи, историки показывают, что, по крайней мере, в самой Германии они были довольно тесными: в экономической области, в управлении и обслуживании, в доставке заключённых. Местные жители в целом были информированы о сути происходящего в близлежащем лагере. Поэтому было бы неправомерно говорить о незнании населения об этих фактах, хотя масштабы преступлений тщательно скрывались нацистами. Темы и проблемы, анализируемые учёными, показывают, что многие, кажущиеся уже решёнными проблемы всплывают вновь и требуют более глубокого и всестороннего осмысления.

Соперничество памятей между тремя этапами переосмысления прошлого определяет современную структуру памяти в Федеративной Республике. Воспоминания о войне, память о Холокосте и память о сталинских преследованиях борются друг с другом за явно ограниченные ресурсы общественного внимания. Там, где одна из версий памяти добивается общественного внимания, у всех участников попеременно создается впечатление, что это происходит за счет ущемления других сторон. В целом присутствует направленность, что культурной памяти должна акцентировать на преступных действиях национал-социалистического режима и на том, чтобы все жертвы получили надлежащее признание в памяти Федеративной Республики². Таким образом, хотя фраза «Das entlastet uns nicht» («Это нас не извиняет») сохраняет свою актуальность для национальной идентичности современной Германии, в немецком обществе

¹ См. напр.: Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922-1982 / Пер. с нем. А. И. Федорова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

² Кёниг Х. «Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ» // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3. С. 40-41.

бытуют несколько пластов национальной памяти. Один оправдывают действия Третьего Рейха и возлагает вину на различные социальные факторы, такие как, например, большевизм, другие живут с осознанием вины за преступные действия своих соотечественников, стараясь предотвратить жертвы в будущем.

Таким образом, в эволюции дискурса «замещающего насилия», характерного для национальной памяти современной Германии на примере ФРГ можно выделить четыре основных этапа, характеризующиеся своеобразием трактовки «преступления» и «жертвенности»: фазы «коммуникативного умолчания» с появлением акцента на вине и ответственности граждан Германии за преступления нацистского режима, этап оформления «события» Холокоста как отправной точки в интерпретации «преступления» и «жертвы», период окончательного оформления символизма Холокоста при одновременной попытке «преодоления прошлого» посредством диверсификации ответственности граждан Германии за преступления нацизма и попытки поиска «врага» в тоталитарном коммунизме. Четвертый этап связан конфликтной динамикой этих дискурсов, когда воспоминания о войне, память о Холокосте и память о сталинских преследованиях борются друг с другом за символическое доминирование.

2.2. Социокультурная артикуляция феномена «замещающего насилия» в массмедиа современной Германии

В культурном пространстве современной Германии, как уже отмечалось, так или иначе возникают дискуссии о преодолении «комплекс вины», связанного с трагическими событиями Второй мировой войны. Склонность избавиться от трагических и преступных «теней прошлого» свойственной многим современным нациям, особенно если за насилие в прошлом приходится расплачиваться коллективной виной и подвергаться насилию и принуждению за содеянное в настоящем. В этой связи

современное поколение немцев пытается переосмыслить, реконструировать символические «фигуры» травматических событий Второй мировой войны и использовать эти реконструкции для решения проблем настоящего, кроме того появляется тенденция проецирования вины и агрессии на определенную группу людей («поиск козла отпущения»), идентифицируя себя их жертвами в прошлом или настоящем, которая наиболее отчетливо выражается в массмедиа.

Несмотря на то, что трагические события Второй мировой войны и дискурс ответственности за преступления национал-социалистического режима сохраняет свою значимость, можно говорить о пятом этапе в эволюции национальной памяти современной Германии, связанном с событиями интеграции пространств Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии после распада Советского Союза и социалистического блока, а также процессами оформления наднациональной идентичности в пространстве европейского союза. Это ведет к существенным изменениям в национальной идентичности и способах восприятия, символической репрезентации прошлого, настоящего и будущего. Оно сопровождается попытками преодоления, вытеснения влияния «теней национал-социалистического» и «коммунистического прошлого», переформатированием представлений о «жертвах» и «преступниках» в национальной памяти современной Германии. Профессор Н.В. Голик в связи с анализом социокультурных оснований толерантности замечает, что при определенных культурно-исторических обстоятельствах ментальность фашистского типа может реактивироваться и получить идеологическую поддержку, стимулировать враждебность и ненависть по отношению к «другому» и в современной европейской культуре¹.

Особенности культурной памяти немцев, возникающие под влиянием этих процессов, порождают конфликт идентичностей как в самой Германии,

¹ См.: Голик Н.В. Философия культуры и толерантность: парадоксы истории // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1. С. 121-124.

так во внешней социокультурной среде. Прослеживается рост «ксенофобии» в форме «русофобии», ксенофобии по отношению к мигрантам из Восточной Европы и с Ближнего Востока и отторжение признаков исламизации общества.

Наиболее актуальной темой в Европе сегодня, наряду с проблемой международного терроризма, стала проблема беженцев и мигрантов. Страной, принимающей самые большие потоки мигрантов за последнее время, стала Германия¹. Начиная с 2010 г. в общественных кругах ведутся дебаты о пользе миграции. Сегодня каждый пятый житель Германии имеет миграционные корни, и в будущем численность данной группы будет неуклонно расти за счет новых волн иммиграции и относительно высокого процента новорожденных детей в семьях мигрантов. Ферри Пауш замечает, «что события «арабской весны», в первую очередь война в Сирии, спровоцировали мощный поток миграции в Ливан, Иорданию, Турцию и другие страны региона. Миллионы сирийцев и иракцев вдали от дома в лагерях беженцев дожидаются или окончания конфликтов, или возможности перебраться дальше в мирные страны. Множество беженцев с Ближнего Востока и из Северной Африки, а также других стран, включая Эритрею, Нигерию, старались попасть в Западную Европу. Многие погибли при попытке пересечь Средиземное море. В 2014 г. в Германию приехали 400 тыс. беженцев; в 2015 г. их численность составила примерно от 800 тыс. до одного миллиона человек. Тесная связь между общественным мнением и СМИ является важным фактором в реализации миграционной политики и политики интеграции мигрантов и в конечном итоге оказывает воздействие на электорат. СМИ имеют большое значение, когда речь идет об интеграции. СМИ являются не только источником информации о текущих событиях, но также конституируют реальность, дают оценку происходящему, представляют «героев» и «злодеев», а также «жертв». О большинстве фактов,

¹ Лебедева И.В., Бичарова М.М. Немецкие средства массовой информации о кризисе миграционных процессов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. №3(52). С. 138

связанных с интеграцией и иммиграцией, люди узнают из медийных источников, в которых мигранты представлены чаще всего в отрицательном ракурсе»¹.

По мнению Ферри Пауша, «отрицание необходимости иммиграции само по себе кажется нелогичным, однако его признанию мешают оформление стереотипов о том, что «мигранты отбирают рабочие места у немецких граждан», способствуют исламизации Германии и деградации таких немецких отличительных черт немецкой идентичности как пунктуальность, высокая производительность труда и другие. Складывается впечатление, что иммиграция воспринимается скорее угрозой, нежели благом. Также претензии немцев к иммигрантам, вероятно, связаны с представлениями о национальной идентичности, чувстве собственного достоинства и с определенным восприятием разных религий, культур и этносов. В публичном пространстве продолжают широко обсуждаться такие темы, как «доминирующая культура» (*Leitkultur*) и национальная идентичность, вырабатываются общие подходы к пониманию интеграции»².

Все это порождает ксенофобию по отношению к мигрантам, которые становятся все чаще объектом «замещающего насилия». Немецкую общественность пугает возрастающее число беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, которые не хотят интегрироваться и приобщаться к немецкой «Leitkultur» (доминирующая культура), которые не изучают язык и не ассимилируются в немецком обществе. В некоторых городах происходит «геттоизация» отдельных районов»³.

В 2014 году на волне общего подъема этнонационализма в европейских странах в ФРГ оформилась политическая партия «Альтернатива для Германии» (*Alternative für Deutschland - AfD*), которая сразу стала набирать

¹ Пауш Ф. Образ мигрантов в общественном сознании и СМИ в Германии // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография. СПб.: «СТРАТЕГИЯ»; Скифия-принт, 2016. С. 180.

² Там же. С. 180.

³ Иликова Л. Э. Миграционный кризис, конец мультикультурализма и рост ксенофобии в Германии: гипотеза о причинах // Управление устойчивым развитием. 2016. №3. С. 74-75.

популярность среди населения в связи с ростом недовольства граждан миграционной политикой.

Кроме того, образовалось националистическое движение PEGIDA(ПЕГИДА)¹, которое уже отличилось рядом акций, направленных как против исламизации немецкого общества, так и против увеличения числа мигрантов вообще. В последнее время деятельность PEGIDA и AfD стала успешно распространяться на западные области Германии².

Несмотря на то, что бундесканцлер ФРГ Ангела Меркель неоднократно высказывалась по поводу ситуации с мигрантами в Германии, заявляя, что «в данном вопросе является очень важным не терять человеческое лицо и оказывать помощь людям, оказавшимся в тяжелой ситуации», «Ich bin überzeugt, dass wir das schaffen» (я уверена, что мы справимся)³, акции такой политической организации как PEGIDA являются выражением ксенофобии по отношению к мигрантам и миграционной политики, основанной на настроениях страха перед нарастающей волной исламизма и экстремизма. Осенью 2015 г., когда начался миграционный кризис в Европе, PEGIDA держалась в стороне от основных партий и СМИ, проводя мирные манифестации по поводу не только миграционной политики, но и других общественных процессов, в частности по поводу русско-украинского конфликта. Однако уже с ноября 2015 года данная ситуация кардинально изменилась, PEGIDA стала активно взаимодействовать с правыми экстремистами и хулиганами под лозунгами исламофобии⁴.

¹ ПЕГИДА(PEGIDA) - Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes. немецкое правопопулистское движение, созданное в декабре 2014 года в Дрездене. С октября 2014 года оно организует акции против предполагаемой его сторонниками «исламизации Европы» и против иммиграционной политики немецкого правительства.

² Иликова Л. Э. Миграционный кризис, конец мультикультурализма и рост ксенофобии в Германии: гипотеза о причинах // Управление устойчивым развитием. 2016. №3. С. 76.

³ Die Chancen sind so viel größer als die Risiken // Süddeutsche Zeitung. 2015. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/regierungserklaerung-der-bundeskanzlerin-die-chancen-sind-so-viel-groesser-als-die-risiken-1.2662706> (дата обращения 3.02.2018 г.).

⁴ Голикова С. Ультраправое движение ПЕГИДА как реакция немецкого общества на увеличение потока мигрантов в ФРГ // Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: История. Политология. 2016. №22. С. 82.

По мере роста числа сторонников и увеличения массовости проводимых мероприятий лидеры ПЕГИДА стали появляться в СМИ. 19 января 2015 г. Бахман (лидер ПЕГИДы) и К. Эртель (пресс-секретарь движения) дали первую пресс-конференцию, на которой объявили о продолжении митингов и встреч с политиками. Несмотря на обвинения в правом экстремизме, на сегодняшний день основная масса активистов этой организации – средний класс, трудящиеся, обычные немецкие граждане. Основные причины участия в демонстрациях: «недовольство политикой» (71%), «критика СМИ и общественности» (35%). Основные претензии: к ищущим убежища и мигрантам (31%), к мусульманам в целом (15%), высокая преступность среди мигрантов (7%), социально-экономическое положение (8%)¹.

В еще ноябре 2014 г. ПЕГИДА выдвинула следующие программные тезисы: контролируемая иммиграция с помощью балльной системы по примеру Канады или Австралии, последовательная политика депортации, «нулевая терпимость» в отношении «просроченных» иммигрантов, ужесточение контроля за повторным въездом высланного мигранта, сохранение и защита «идентичности иудео-христианской западной мировой культуры», прекращение «злоупотребления правом убежища», одобрение приема «беженцев от войны», но не «экономических беженцев». 10 декабря 2014 г. движение опубликовало манифест, в котором провозгласило борьбу за защиту христианской культуры Германии, но при этом и толерантность по отношению к умеренным мусульманам². Согласно новому опросу по данным, опубликованным в немецком журнале Die Welt («Мир»), немцы недовольны миграционной политикой ЕС. Например, большинство внешних границ

¹ Голикова С. Ультраправое движение ПЕГИДА как реакция немецкого общества на увеличение потока мигрантов в ФРГ // Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: История. Политология. 2016. №22. С. 82.

² Там же.

Европы считаются недостаточно защищенными. На востоке Германии немцы выступают за дополнительные меры по защите своих границ¹.

В соответствии с опросом института YouGov², который собрал данные для Die Welt («Мир») в рождественский период, больше половины населения Германии негативно высказались по поводу миграционной политики и защиты границ государства. В опросе приняли участие 1107 немцев. В ответ на вопрос - достаточно ли защищены внешние границы Европейского союза от незаконной миграции со стороны Турции и Ливии, причем 66 % опрошенных ответило негативно³.

Немцы в целом недовольны миграционной политикой Брюсселя и хотят, чтобы ЕС лучше защищал свои внешние границы. Только 13% считают, что Европа слишком изолирована. С другой стороны, 40% выступают за то, чтобы людям из других уголков мира становилось все труднее мигрировать в ЕС⁴. Федеральный вице-президент Томас Штробль (Баден-Вюртемберг) выступил перед переговорами с СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) о создании правительства для значительного сокращения приема беженцев в Германии. «Я добиваюсь того, что мы возвращаемся к нормальным цифрам - 200 000 в год это недопустимо», - сказал Штробль. В интервью «Heilbronner Stimme» (Голос Хельброна) он назвал число 65 000 человек⁵. Более радикальной оказалась позиция Беатрикс фон Шторх, заместитель руководителя AfD, которым вызвала возмущение в связи с новым заявлением о стрельбе по беженцам -

¹ Bolzen S. Deutsche misstrauen der EU beim Schutz der Außengrenzen // Welt online. 2017. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article171969532/Migration-Deutsche-misstrauen-der-EU-beim-Schutz-der-Aussengrenzen.html> (дата обращения 4.02.2018).

² YouGov - международное интернет-исследование рынка и аналитическая фирма, размещенная в Великобритании, собирающая статистические данные в Европе, Северной Америке, Ближнем Востоке и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

³ Bolzen S. Deutsche misstrauen der EU beim Schutz der Außengrenzen // Welt online. 2017. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article171969532/Migration-Deutsche-misstrauen-der-EU-beim-Schutz-der-Aussengrenzen.html> (дата обращения 4.02.2018).

⁴ Там же.

⁵ Strobl: Flüchtlingszuzug auf 65 000 Menschen begrenzen // Stimme.de. 2017. URL: <http://www.stimme.de/deutschland-welt/newsticker/Migration-Fluechtlinge-Deutschland-Strobl-Fluechtlingszuzug-auf-65-000-Menschen-begrenzen;art305,3960294> (дата обращения 4.02.2018 г.).

«против женщин использование огнестрельного оружия «на законных основаниях» разрешено»¹.

Как показывают исследования немецкой газеты «die Zeit» («Время»), многие граждане считают, что миграция является самой важной проблемой ЕС. Согласно исследованию, 61% опрошенных выступает против миграции из-за пределов ЕС. Вопрос: «На ваш взгляд, должны ли быть приняты дополнительные меры для борьбы с незаконной миграцией из-за пределов ЕС?» «за» высказывается 81% респондентов из Германии, 29% опрошенных считают, что на внешних границах ЕС слишком мало контроля².

Германия как страна, приветствовавшая миграцию на официальном уровне, оказалась не в состоянии справиться с количеством приехавших людей с иным культурным «бэкграундом». Возросло количество немецких граждан, поддерживающих политические движения и партии, озвучивающие антииммигрантскую и этнонационалистическую риторику. О росте антииммигрантских настроений свидетельствует не только количество противоправных действий по отношению к мигрантам (такие, как поджоги мест временного пребывания беженцев), но и резко возросшая активность ультраправых политических движений, таких как AfD и PEGIDA³.

Кроме ксенофобии вторым значимым символическим объектом «замещающего насилия» выступает современная Россия. Культурное влияние России часто ассоциируют как следы тоталитарного наследия. Например, Русский дом на Фридрихштрассе в Берлине – номинируется в публичном дискурсе СМИ как саркофаг позднего социализма, а президент Путин титулуется как диктатор, которому «мало русского мира»⁴. В общей

¹ Von Storch dementiert: Nicht auf Kinder, aber auf Frauen darf man schießen // Süddeutsche Zeitung. 2016. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/afd-von-storch-dementiert-nicht-auf-kinder-aber-auf-frauen-darf-man-schiessen-1.2843566> (дата обращения 26.02.2018 г.).

² Mehrheit der Deutschen gegen Einwanderung aus Nicht-EU-Ländern // Zeit online. 2015. URL: <http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2015-02/migration-eurobarometer-deutschland-ablehnung-nicht-eu-laender> (дата обращения 4.02.2018 г.).

³ Иликова Л. Э. Миграционный кризис, конец мультикультурализма и рост ксенофобии в Германии: гипотеза о причинах // Управление устойчивым развитием. 2016. №3. С. 75-76 // С. 72-77.

⁴ Schlögel K. Die gefährliche neue Liebe der Deutschen zu Russland // Welt online. 2016. URL: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article156758789/Die-gefaehrliche-neue-Liebe-der-Deutschen-zu-Russland.html> (дата обращения 10.02.2018 г.).

сложности 86% немцев заинтересованы в том, что происходит в России (40% очень сильные и 46% менее сильные), но при этом 45% немцев считают, что Россия вызывает в Германии довольно негативные чувства. На негативный образ России существенно влияет дискурс СМИ. Лишь у 10% остается положительное впечатление от России при получении информации со стороны СМИ¹.

Несомненно, что публикациях современных немецких массмедиа присутствует тревога за безответственную ксенофобскую риторику в СМИ, в условиях когда большинство людей получает информацию из средств массовой информации и строит на ней свои «знания» и призывы чаще ставить под сомнение свои предрассудки и процедуры оценки². Говоря об образе России в западных СМИ, Удо Ульфкотте пишет: «Мы, граждане, платим теперь за манипуляцию ведущих средств массовой информации высокую цену (hohen finanziellen Preis) не только в денежном выражении, но и большой кровью (der Blutzoll ist verheerend). Так наши ведущие средства массовой информации имеют чёткий образ врага – Россию. Злой русский, хороший американец, такова господствующая точка зрения...»³. На этом же акцентирует немецкая тележурналистка Габриеле Кроне-Шмальц. Как только в России что-либо происходит, «мы» на Западе не сразу понимаем, потому что не знаем взаимосвязей и закулисной стороны событий и начинаем продуцировать образ врага⁴,

Во главе антироссийской пропаганды в немецком медийном пространстве стоит массовая газета BILD («Изображение»). Основные темы внешнеполитического раздела газеты носят ярко выраженный

¹ Was Deutsche über Russen und Russen über Deutsche denken // Russland Journal. 2015. URL: <https://www.russlandjournal.de/russland/was-deutsche-ueber-russen-und-russen-ueber-deutsche-denken/> (дата обращения 15.02.2018 г.).

² Bläser V. Zum Russlandbild in den deutschen Medien // Bundeszentrale für politische bildung. 2014. URL: <http://www.bpb.de/apuz/194826/zum-russlandbild-in-den-deutschen-medien?p=all> (дата обращения 10.02.2018 г.).

³ Ulfkotte U. Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken. Rottenburg: Kopp Verlag, 2014. S. 20.

⁴ Krone-Schmalz G. Russland verstehen. Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens. München: C. H. Beck Verlag, 2015. S. 12.

антироссийский характер¹. Свидетельством может служить статья, опубликованной BILD от 29.03.2018 «Hier sagen Putins Spione „Goodbye!“» («Шпионы Путина говорят "до свидания"») связанный с инцидентом отравления в Великобритании, которая тиражирует мифологию ненависти в России, однозначно номинируя ее преступником². При этом, продуцирование агрессивной мифологии нацелено воздействовать на различные сегменты культурной памяти немецкого общества, а не только на политическую память.

Тема русофобии актуализируется и немецком кинематографе. В трехсерийном фильме «Наши матери, наши отцы» о событиях Второй мировой войны, показанном на немецком телеканале ZDF, советские войска, которые освобождали от нацизма Германию, изображены жестокими и неуправляемыми насильниками. В этом фильме присутствует сцена, когда советские солдаты ведут себя «по-зверски», врываются в немецкий госпиталь, начинают расстреливать раненых и одновременно насиловать санитарок. «...В фильме очень много культурных клише, позволяющих фиксировать деконструкцию дискурса «вины» в национальной идентичности современной Германии посредством schonungslose Reflexion, т.е. «безжалостного» осмысление войны и нацизма»³.

Если речь в немецких СМИ идет и о религиозных представлениях россиян, то журналисты ставят акцент на якобы «показном» характере религиозных чувств, подчеркивают «тесную связь православной церкви и силовых ведомств». По убеждению немецких журналистов, русскому человеку свойственно пьянство, насилие и примитивная жестокость. Азиат, неверующий, грязный и ленивый - старый образ врага «злого россиянина» сегодня все больше оживляется в средствах массовой информации. «Разумно,

¹ Голодов, А. Г. Язык информационной войны (на материале языка немецкой массовой прессы) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2015. №1/46. С. 105 // С. 104-115.

² Hier sagen Putins Spione „Goodbye!“ // Bild. 2018. URL: <https://www.bild.de/politik/ausland/skripal-sergej/giftanschlag-krise-ticker-55095380.bild.html> (дата обращения 29.03.2018 г.).

³ Портнов А. «Наши матери, наши отцы». Немецкий фильм и его восточноевропейские критики. Часть 1. Немецкий фильм. // Уроки истории. XX век. 2013. URL: <http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/51792> (дата обращения 09.03.2018).

конечно, сказать, что Германия не нуждается в конфликте с Россией, но США, похоже, видят ситуацию иначе», - говорит Ханнес Хофбауэр в Sputniknews (российское новостное агентство, нацеленное на зарубежную аудиторию «Спутник»). «Нынешняя ситуация, которая в значительной степени основана на политике США, является конфликтом интересов между США и Европейским союзом», - объясняет историк¹. «В последнее время на общественное мнение влияют СМИ, представляя Россию в плохом свете и создавая антироссийское настроение», - говорит автор. По его словам, СМИ акцентируют внимание на вмешательстве России в Сирии, связывая это с наплывом беженцев в Европу².

Со стороны Запада к нашему государству действительно присутствует негативное отношение. Однако мнения немецкой политической элиты и простых граждан существенно отличаются. Большинство экономически и политически активных граждан Германии и других стран ЕС пытаются объективно оценить все происходящее события, а также составить свое, не зависящее от стратегических политических целей мнение, однако, несомненно информационная война и политическая ангажированность прессы так же аффективно влияют на жителей Германии, усиливая русофобские тенденции и представляя Feindbild (образ врага) России.

Понятие «замещающего насилия», введенное Рене Жираром, показывает, как трансформируется агрессия нации во вне, которую можно проследить через трансляцию информации посредством СМИ. Определения, введенные Бернардом Гизеном «герой», «жертва» и «преступник» - «палач», меняющие смысл в зависимости от контекста и событий, прослеживаются на примере культуры Германии, особенно в течение и после Второй мировой войны, когда немцы сначала воспринимались как «герои», затем после падения Третьего Рейха как «преступники», и в контексте проработки

¹ «Feindbild Russland»: Historiker untersucht Dämonisierung der Russen // Sputnik Deutschland.2016. URL: <https://de.sputniknews.com/gesellschaft/20160301308173100-feindbild-russland-daemonisierung/> (Дата обращения 29.02.2018 г.).

² Там же.

прошлого некоторые историки занимают позицию, что немецкое общество само по себе оказалось «жертвой», вследствие чего непрерывно ведутся поиски виновника и обосновывается позиция жертвы, нация пытается выместить вину например на мигрантах или «русских» как «козлах отпущения» - необходимых жертвах поддержания общественного порядка.

Таким образом, культурная и политическая элита современной Германии, при активном участии массмедиа стремится реконструировать смысл и содержание символических фигуры «преступления» и «жертвы», характерных для предшествующих этапов формирования национальной идентичности, связанной с политикой вины за преступные действия нацистского режима и события Холокоста. В национальной памяти прослеживаются социальное конструирование образа «чужого» и «преступного» по отношению к новым мигрантам и социокультурному пространству России, что потенциально может провоцировать ксенофобию (поиск «козла отпущения», внешнего «жертвенного врага») и конфликт идентичностей как в самой Германии, так и в пространстве международных социокультурных коммуникаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования специфика социокультурной динамики дискурса «замещающего насилия» и его символической репрезентации в представлениях о «преступлении» и «жертве» в национальной памяти современной Германии можно сделать следующие основные выводы:

Первое. В рамках культурологического подхода к анализу феномена коллективной памяти и, соответственно, коллективной идентичности, можно проследить *три основных подхода*. Первый трактует коллективную память как *социальную*, то есть как совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом с целью сохранения и передачи накопленного общественного опыта. Второе измерение отождествляет социальную и культурную память с *исторической* памятью как совокупностью представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе на массовом и индивидуальном уровне. В рамках третьего подхода *культурная память* и ее символические фигуры рассматриваются как семантическое ядро социальной памяти, которое обеспечивает не только символические проекции в прошлое (историческая память) из настоящего, но и в будущее, содействуя непрерывности социальной идентичности.

Во-вторых. На основе антропологической посылке Рене Жирара о роли символических практик «заместительного жертвоприношения» («замещающего насилия»), призванных обеспечить социокультурный контроль за использованием насилия и принуждения при оформлении социокультурных общностей, процесс социального конструирования национальной идентичности можно описать как социокультурную динамику символических фигур «жертвы», «преступника» и «героя», составляющих важную компоненту мифического ядра культурной памяти. Социокультурная динамика подобных символических фигур и практик их символической

репрезентации может привести как к преодолению, обузданию конфликтности внутри общности и позитивную идентичность, так и спровоцировать возникновение «негативной идентичности», внешнюю агрессию по отношению к «иным» и «иному».

В-третьих. В эволюции дискурса «замещающего насилия», характерного для национальной памяти современной Германии на примере ФРГ можно выделить четыре основных этапа, характеризующиеся своеобразием трактовки «преступления» и «жертвенности»: фаза «коммуникативного умолчания» с появлением акцента на вине и ответственности граждан Германии за преступления нацистского режима, этап оформления «события» Холокоста как отправной точки в интерпретации «преступления» и «жертвы», период окончательного оформления символизма Холокоста при одновременной попытке «преодоления прошлого» посредством диверсификации ответственности граждан Германии за преступления нацизма и попытки поиска «врага» в тоталитарном коммунизме. Четвертый этап связан конфликтной динамикой этих дискурсов, когда воспоминания о войне, память о Холокосте и память о сталинских преследованиях борются за символическое доминирование.

В-четвертых. Культурная и политическая элита современной Германии, при активном участии массмедиа стремится реконструировать смысл и содержание символических фигуры «преступления» и «жертвы», характерных для предшествующих этапов формирования национальной идентичности, связанной с политикой вины за преступные действия нацистского режима и Холокост. В национальной памяти прослеживаются социальное конструирование образа «чужого» и «преступного» по отношению к новым мигрантам и социокультурному пространству России, что потенциально может провоцировать ксенофобию (поиск «козла отпущения», внешнего «жертвенного врага») и конфликт идентичностей как в самой Германии, так и в пространстве международных социокультурных коммуникаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Книги и периодические печатные издания

1. Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 256 с.
2. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 40-41.
3. Александер Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис». 640 с.
4. Арндт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М.: Издательство «Европа», 2008. 424 с.
5. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922-1982 / Пер. с нем. А. И. Федорова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 239 с.
7. См.: Голик Н.В. Философия культуры и толерантность: парадоксы истории // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1. С. 121-124.
8. Голикова С. Ультраправое движение ПЕГИДА как реакция немецкого общества на увеличение потока мигрантов в ФРГ // Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: История. Политология. 2016. №22. С. 81-88.
9. Голодов, А. Г. Язык информационной войны (на материале языка немецкой массовой прессы) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2015. №1/46. С.104-116.
10. Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
11. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 448 с.

12.Иликова Л. Э. Миграционный кризис, конец мультикультурализма и рост ксенофобии в Германии: гипотеза о причинах // Управление устойчивым развитием. 2016. №3. С. 72-77.

13.Кёниг Х. «Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ» // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3. С. 99-101.

14.Кёниг Х. Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОСПЭН, 2012. 164 с.

15.Коротецкая Л.В. Холокост как социальная и культурная конструкции памяти: фактор травмы и позиция жертвы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 107-117.

16.Лебедева И.В., Бичарова М.М. Немецкие средства массовой информации о кризисе миграционных процессов // Каспийский регион: политика, экономика, культура.2017. №3(52). С. 137-142.

17.Левада, Ю. А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000-2005. Москва: Издатель Карпов Е.В., 2011. 507 с.

18.Луман Н. Общество как социальная система. М.: Издательство «Логос», 2004. 232 с.

19.Марков Б.В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. 671 с.

20.Марков Б.В. Политическая антропология. СПб.: Питер, 2017. 496 с.

21.Мешалкина К.А. Холокост и проблема массового сознания немцев в послевоенной Германии // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2014. № 1. С. 41-46.

22.Нольте. Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 560 с.

23.Нора П. Проблематика мест памяти // Франция память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.

24.Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.

25.Пауш Ф. Образ мигрантов в общественном сознании и СМИ в Германии // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / Редактор и составитель М. С. Розанова. Перевод с английского языка М. С. Розановой и А. Б. Лесохина. СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ»; Скифия-принт, 2016. С. 177-185.

26.Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ. 2003. 44 с.

27.Рулинский В. В. "Спор историков" в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления// Вестник славянских культур, 2013. С. 46-56.

28.Рулинский Р.Р. «Проблема вины» в трудах Карла Ясперса // Вестник МГИМО Университета.2011. № 3. С. 160-166.

29.Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2005. С. 38-62.

30.Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ. 2004. 56 с.

31.Филиппов А.Ф. Триггеры абсолютных событий // ЛОГОС. 2006. №5 (56). С. 104-117.

32.Флиер А.Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. 2012. С. 19-25.

33.Флиер А.Я. Некультурные формы культуры. М.: МГУКИ, 2008. 272 с.

34.Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005.

35. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
36. Хлевнюк Д.О. Бернад Гизен. Триумф и травма // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 112-117.
37. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. М.: Наука, 1999. 231 с.
38. Ясперс К. Вопрос о виновности. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. 146 с.
39. Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. N.Y. 2006. P. 210-227.
40. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin/N.Y.: Gmb&Co. KG. 2010. P. 109-119.
41. Frei N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München: Verlag C. H. Beck, 1996. S. 223-265.
42. Giesen B. Triumph and Trauma. London: Paradigm publishers, 2004. 208 p.
43. Kämper H. Opfer – Täter – Nichttäter: Ein Wörterbuch zum Schuldiskurs, 1945–1955. N.Y.: de Gruyter, 2007. 363 S.
44. Kempner R. M. W. Ankläger einer Epoche. Lebenserinnerungen. In Zusammenarbeit mit Jörg Friedrich. Frankfurt am Main: Ullstein, 1986. S. 343-371.
45. Koselleck R. Die Diskontinuität der Erinnerung // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1999. S. 213-222.
46. Krone-Schmalz G. Russland verstehen. Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens. München: C. H. Beck Verlag, 2015. 176 S.
47. Kühnl R. Verhangenheit, die nicht vergeht. Die historiker debate Dokumentation, Darstellung und Kritik. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1987. 108 S.
48. Lübbe H. Der Nationalsozialismus im deutschen Nachkriegsbewusstsein // Historische Zeitschrift. 1983. № 236. S. 579-599.

49.Ulfkotte U. Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken. Rottenburg: Kopp Verlag, 2014. 336 S.

50.Wolfrum E. Die Anfänge der Bundesrepublik, die Aufarbeitung der NS-Vergangenheit und die Fernwirkungen für heute. Bonn: Dietz-Verlag, 2009. S. 363-377.

51.Wolfrum E. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999. S. 363-377.

Источники на электронных носителях

52.Ассман Я. Ассман А. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная память // День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная память // Уроки истории XX век. 2012. URL: <http://urokiistorii.ru/article/51658> (дата обращения: 26.03.2018).

53.Портнов А. «Наши матери, наши отцы». Немецкий фильм и его восточноевропейские критики. Часть 1. Немецкий фильм. // Уроки истории. XX век. 2013. URL: <http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/51792> (дата обращения 09.03.2018).

54.Траверсо Э. Об антикоммунизме. История XX века в интерпретации Нольте, Фюре и Куртуа // Red flora. 2015. URL: http://www.redflora.org/2015/04/blog-post_28.html (дата обращения: 25.02.2018).

55.“Feindbild Russland”: Historiker untersucht Dämonisierung der Russen // Sputnik Deutschland.2016. URL: <https://de.sputniknews.com/gesellschaft/20160301308173100-feindbild-russland-daemonisierung/> (Дата обращения 29.02.2018 г.).

56. Bläser V. Zum Russlandbild in den deutschen Medien // Bundeszentrale für politische Bildung. 2014. URL: <http://www.bpb.de/apuz/194826/zum-russlandbild-in-den-deutschen-medien?p=all> (дата обращения 10.02.2018 г.).

57. Bolzen S. Deutsche misstrauen der EU beim Schutz der Außengrenzen // Welt online. 2017. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article171969532/Migration-Deutsche-misstrauen-der-EU-beim-Schutz-der-Aussengrenzen.html> (дата обращения 4.02.2018).

58. Die Chancen sind so viel größer als die Risiken // Süddeutsche Zeitung. 2015. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/regierungserklaerung-der-bundeskanzlerin-die-chancen-sind-so-viel-groesser-als-die-risiken-1.2662706> (дата обращения 3.02.2018 г.).

59. Giesen B. Cultural trauma and religious identity // Oxford handbooks online. 2014. URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-001?result=36&rskey=n2mGWC> (дата обращения 01.04.2018).

60. Hier sagen Putins Spione „Goodbye!“ // Bild. 2018. URL: <https://www.bild.de/politik/ausland/skripal-sergej/giftanschlag-krise-ticker-55095380.bild.html> (дата обращения 29.03.2018 г.).

61. Mehrheit der Deutschen gegen Einwanderung aus Nicht-EU-Ländern // Zeit online. 2015. URL: <http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2015-02/migration-eurobarometer-deutschland-ablehnung-nicht-eu-laender> (дата обращения 4.02.2018 г.).

62. Schlögel K. Die gefährliche neue Liebe der Deutschen zu Russland // Welt online. 2016. URL: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article156758789/Die-gefaehrliche-neue-Liebe-der-Deutschen-zu-Russland.html> (дата обращения 10.02.2018 г.).

63. Strobl: Flüchtlingszuzug auf 65 000 Menschen begrenzen // Stimme.de. 2017. URL: <http://www.stimme.de/deutschland-welt/newsticker/Migration->

Fluechtlinge-Deutschland-Strobl-Fluechtlingszuzug-auf-65-000-Menschen-
begrenzen;art305,3960294 (дата обращения 4.02.2018 г.).

64.Von Storch dementiert: Nicht auf Kinder, aber auf Frauen darf man
schießen // Süddeutsche Zeitung. 2016. URL:
[http://www.sueddeutsche.de/politik/afd-von-storch-dementiert-nicht-auf-kinder-
aber-auf-frauen-darf-man-schiessen-1.2843566](http://www.sueddeutsche.de/politik/afd-von-storch-dementiert-nicht-auf-kinder-
aber-auf-frauen-darf-man-schiessen-1.2843566) (дата обращения 26.02.2018 г.).

65.Was Deutsche über Russen und Russen über Deutsche denken // Russland
Journal. 2015. URL: [https://www.russlandjournal.de/russland/was-deutsche-ueber-
russen-und-russen-ueber-deutsche-denken/](https://www.russlandjournal.de/russland/was-deutsche-ueber-
russen-und-russen-ueber-deutsche-denken/) (дата обращения 15.02.2018 г.).